

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Под редакцией
И. М. ДЬЯКОНОВА,
В. Д. НЕРОНОВОЙ, И. С. СВЕНЦИЦКОЙ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

РАННЯЯ
ДРЕВНОСТЬ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

9(М)03
И 89

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
И. М. ДЬЯКОНОВ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Возможность написания этого труда возникла в результате многолетней серьезной работы большого коллектива сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР и других научных учреждений над подготовкой обширной документированной многотомной «Истории древнего Востока». Однако публикация последней рассчитана на историков-специалистов. Поэтому наша редакционная коллегия и группа авторов решили предложить вниманию читателей настоящее издание, обращенное к более широкой аудитории и рассматривающее историю древних классовых обществ и государств, сложившихся в Азии, Европе и Северной Африке, в контексте общечеловеческого исторического процесса. В работе приняли участие ученые многих научных учреждений и учебных заведений со всех концов Советского Союза.

Таким образом, публикуемый труд (он издается в трех отдельных книгах: «Ранняя древность», «Расцвет древних обществ» и «Упадок древних обществ») представляет собой опыт создания истории всего древнего мира в соответствии с нашими современными знаниями. Авторский коллектив и редакционная коллегия надеются, что появление такой книги будет способствовать более ясному пониманию не только специфических, но и общих черт в развитии древних классовых обществ и внесет вклад в разрешение непрекращающихся теоретических споров по этому вопросу. Так, авторы полагают, что представление об абсолютном несходстве между собой отдельных древних обществ в значительной мере объясняется рассмотрением их в несоответствующем масштабе — либо слишком локально, либо на слишком коротких отрезках времени — и что общий обзор всех древних обществ на всем протяжении их существования неизбежно обнаружит черты общечеловеческих закономерностей ис-

и 0504010000-139
013(02)-82 24-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

торического развития. Читателю предоставляется судить, насколько оправдан такой подход.

В настоящее время в университетах читаются мало связанные между собой курсы истории Греции, Рима и древнего Востока, причем в последнем случае изложение обрывается на произвольных моментах развития того или иного азиатского или африканского общества, не показанных как части мирового исторического процесса. Академическая же «Всемирная история» (т. 1—2, М., 1955—1956) хотя и позволяет рассмотреть каждое важнейшее общество в перспективе всемирно-исторического развития, однако слишком громоздка и поэтому не дает общего обзора, к тому же в настоящее время она в значительной мере устарела по материалу.

То обстоятельство, что, помимо «Всемирной истории», единая всеобъемлющая и обобщающая история древнего мира у нас еще не написана, объясняется трудностью охвата материала столь многих обществ (что иногда и приводило к созданию учебников и пособий авторами, недостаточно компетентными в историографии некоторых конкретных обществ). Поэтому было решено поручить написание каждого раздела данной книги ученым, работающим специально в данной области, следуя в этом примеру академической «Всемирной истории». При этом мы старались, учитывая опыт этого издания, избегать чрезмерной унификации авторских текстов редакционной коллегией. Поэтому настоящее издание представляет собой скорее «книгу-лекций», в котором выступают разные ученые, исследователи смежных проблем, с тем чтобы в итоге их выступлений могла возникнуть общая картина. Как в лекции, это сводный цикл лекций, последовательно излагаемых разными специалистами; такой цикл в идеале дает общее представление о круге наук, которым он посвящен, но он не дает исчерпывающих сведений, так как характер каждой лекции определяется специальными научными интересами, способностями и возможностями каждого отдельного лектора, а состав всего цикла — составом коллектива исполнителей. И в нашей книге тоже есть пробелы, есть кое-какие расхождения во взглядах между авторами по частным вопросам, есть неоднородность в подходе, например, к вопросам культуры некоторых конкретных обществ. Авторы лекций выступают со своими собственными точками зрения, причем в зависимости от индивидуальных интересов и особенностей автора от раздела к разделу во многом меняются характер изложения и соотношение пропорций привлекаемых материалов (например, объем информации по политической, этнической или культурной истории по сравнению с общественно-экономической). В связи с этим было решено, что фамилии авторов будут вынесены в заглавие каждого раздела, а не отнесены, как это часто делается в коллективных трудах, в общий список в предисловии. В то же время редакционная коллегия, не обязательно соглашаясь с отдель-

ными авторами по частным вопросам, несет ответственность за общий научный и методологический уровень книги.

В настоящее время среди советских историков нет единогласия по ряду теоретических проблем исторической науки (более подробно об этом см. далее, с. 9 и сл.). Это обстоятельство, естественно, сказалось на изложении некоторых конкретных тем. Редакционная коллегия не считала возможным в этих случаях наставлять свою точку зрения (последняя в общих чертах изложена во вводных главах к трем периодам древности). Однако, стремясь обеспечить определенную степень органичности в построении книги, редакционная коллегия привлекала к участию в ней преимущественно ученых, близких между собой по своим конкретным теоретическим установкам и вместе с тем работающих в русле общих теоретических представлений, традиционных для советской науки и, следовательно, более или менее полно отражающих взгляды большинства советских ученых. Однако в науке, как будет показано, существуют и другие мнения по ряду важных теоретических вопросов.

Вполне понятно, что и между нашими авторами при всей близости их теоретических взглядов тоже существуют известные разногласия — внимательный читатель легко в этом убедится. Но важно подчеркнуть, что, несмотря на расхождения в частностях, научные позиции всех привлеченных нами авторов в целом близки между собой, и «книга-лекций» отнюдь не является неким бесформенным собранием пестрых глав, а представляет определенное целое, в котором все части оказываются в конечном счете тесно взаимосвязанными.

В ходе редактирования перед авторами были поставлены дополнительные вопросы и задачи, однако окончательное решение оставалось за автором, а единство книге должны были придавать обобщающие теоретические разделы, в которых излагается точка зрения редакционной коллегии на материал, освещенный отдельными авторами. Более решительное вмешательство редакционная коллегия позволила себе лишь там, где это диктовалось заданными рамками объема книги или другими техническими причинами. Широко были учтены советы и фактические поправки многих ученых, прочитавших книгу в рукописи.

Из характера настоящего издания как «книги-лекция» вытекает обозначение ее разделов не как «глав», а как «лекций». Такое название оправдывается и самостоятельностью разделов, и тем, что некоторые из них основаны на действительно читаемых университетских или иных лекциях, и тем, что они почти во всех случаях соответствуют приблизительному объему материала, вместимого в лекционное время, и, наконец, тем, что такое построение книги сможет при желании облегчить ее использование в качестве учебного пособия. Нужно, однако, подчеркнуть, что книга отнюдь не претендует на замену существующих учебников, а в частности университетских курсов истории Греции и

Рима, излагающих материал значительно подробнее, хотя и не уделяющих внимания месту изучаемых стран в общесторическом процессе. Как уже было сказано, книга не претендует также на исчерпывающую полноту охвата всех регионов и проблем древнего мира. Вместе с тем некоторые лекции, написанные разными авторами вполне самостоятельно, отчасти «перекрывают» друг друга. Тем не менее книга дает, как мы надеемся, цельную и в общем стройную картину древнего мира.

Исходя из единства исторического процесса, авторы сочли возможным дать единую периодизацию истории древних классовых обществ и разделить ее на три этапа и соответственно на три раздела. Первый этап — складывания классового общества и государства, ранних форм этого общества — охватывает значительный отрезок времени с конца IV до конца II тысячелетия до н. э. Второй этап — период расцвета древних обществ, наивысшего развития рабовладельческих отношений — начинается с распространения железа (стали) на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и длится все I тысячелетие до н. э. Третий этап — упадок древних обществ, появление черт перехода к феодализму — занимает примерно первые пять веков I тысячелетия н. э.

Подробная характеристика каждого этапа, его экономических, политических и культурных особенностей дается во вступительной лекции к каждому из трех соответствующих разделов. Внутри каждого раздела мы старались сохранять хронологический порядок рассмотрения истории отдельных стран. Разделы неравномерны по своему объему — наибольшее место отведено истории второго периода: это связано с тем, что наши знания здесь значительно полнее благодаря обилию и многообразию источников, а также с тем, что именно в этот период определились новые пути развития древних обществ, в частности античный путь развития в Средиземноморье, который заслуживает особо подробного рассмотрения.

Каждый раздел подчинен типологическому принципу периодизации: в нем по мере возможности характеризуются разные страны, переживавшие соответствующий этап исторического развития. В одном случае допущено отступление от этого принципа: чтобы не разрывать историю древнего Рима, мы поместили лекцию «Этруски и ранний Рим» во второй раздел, хотя стадиально-типологически этот материал относится к первому этапу — периоду становления древних классовых обществ.

Рассчитывая на широкую читательскую аудиторию, на студентов, преподавателей, вообще на всякого, интересующегося древней историей, авторский коллектив стремился к простоте, ясности, доступности изложения (оно базируется на научных данных, известных к середине 70-х годов нашего века).

2. ДИСКУССИОННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ НАУКЕ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Учебный курс по истории принято начинать вводным разделом, посвященным предмету и методу курса, изложению основ марксистского подхода к истории. Не будучи учебником, наша книга рассчитана на людей с достаточно высоким общеобразовательным уровнем и, следовательно, знакомых с основами исторического материализма. Марксистский метод ныне безраздельно господствует среди советских историков и занимает прочные позиции во всех странах мира. Даже многие буржуазные ученые вынуждены признать, что, нравится им это или нет, марксистская теория истории является единственной, отвечающей научным требованиям. Исходя из этого, мы сочли более целесообразным подробно ознакомить советских читателей с теми вопросами советской исторической теории, которые и поныне остаются дискуссионными.

Центральный вопрос современной дискуссии может быть так сформулирован в философских категориях: каково соотношение общего и особенного в развитии различных обществ и цивилизаций в докапиталистический период? Тот же вопрос в терминах исторической науки звучит так: существует ли некое единое для всех докапиталистических обществ (при неизбежных местных вариантах) направление развития, или их было несколько? Разумеется, все историки-марксисты исходят из того, что производственные отношения в конечном счете определяются уровнем развития производительных сил. Но теоретически вполне возможно допустить, что местные особенности производительных сил (зависящие, например, от географических факторов) приводят в тех или иных конкретных условиях к особым путям развития производственных отношений и соответственно порождают особые типы общества. В наиболее общем виде вопрос, следовательно, сводится к тому, развивались ли «Запад», т. е. Европа, и «Восток», т. е. фактически весь остальной мир, более или менее одинаково, или между путями их развития существует коренное различие.

Представление о коренном различии между Западом и Востоком возникло в европейской науке давно. Интерес к Востоку у европейских философов, историков и писателей появился еще в XVII в. Свои теоретические построения они воздвигали на основе Библии, скучных и не всегда достоверных сведений греко-римских писателей, а затем известий, полученных от европейских послов при дворах восточных владык, от путешественников, миссионеров, а начиная с середины XVIII в.— и от колониальных чиновников. Теории эти использовались идеологами нарождающейся буржуазии в их политической борьбе. Отношение к общественному строю Востока при этом колебалось от идеали-

зации, представления общественного и государственного строя восточных обществ (особенно Китая) в качестве образца для подражания (Л. Левайе, Вольтер, Ф. Кенэ) до резкого осуждения, предостережения от попыток следовать этим образцам (Ф. Бернье, Ш. Монтесье, Ж. Ж. Руссо во Франции, Д. Дефо в Англии). В целом, однако, господствовала точка зрения, согласно которой коренное различие между Западом и Востоком состоит в отсутствии на Востоке частной земельной собственности. Предполагалось, что вся земля там является собственностью государя и именно эта верховная собственность государя составляет основу «восточного деспотизма», «всеобщего рабства».

Эта же точка зрения господствовала в различных вариациях и в начале XIX в. Представители домарковой политической экономии (А. Смит, Р. Джонс, Дж. Стюарт Милль) и философии (Гегель) придерживались ее, несмотря на наличие к тому времени сведений о существовании у многих народов общинных отношений, частной земельной собственности и т. п.

К. Маркс и Ф. Энгельс, изучая генезис капиталистического общества, естественно, не могли не заинтересоваться обществами, еще не вступившими на путь капиталистического развития. Отсюда их постоянный интерес к Востоку. Но к его углубленному изучению они приступили лишь в 1853 г., а особенно в 1857—1859 гг. Предварительным наброском возникавших при этом мнений явилась черновая рукопись К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (при жизни К. Маркса она опубликована не была), а более отчетливым итогом — предисловие к «Критике политической экономии». Здесь К. Маркс впервые дал формулировку закономерной смены способов производства: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 7). Здесь впервые выражен материалистический взгляд на историю как на единый процесс развития. Этот вывод, разумеется, был сделан на основе научных данных, накопленных к тому времени. Заметим, однако, что в этой формулировке К. Маркса, где античному, или, как мы чаще говорим, рабовладельческому, способу производства предпослан способ производства «азиатский», еще отсутствует другой несомненный закономерный этап в развитии человечества — первобытный способ производства. В позднейших работах К. Маркса и Ф. Энгельса основные принципы исторического материализма разрабатываются более подробно и, конечно, уточняются в отдельных частностях по мере накопления новых данных.

Сведения о работах историков в указанный период, которые могли быть и были использованы теоретиками марксизма, читатель найдет в специальных работах, посвященных историо-

графии. Здесь же мы особо выделим работу Л. Г. Моргана «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877 г.). Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» отмечал, что эта книга имеет для понимания первобытного общества значение «такое же решающее, как Дарвин в биологии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 36, с. 97). Действительно, эта книга написана со стихийно-материалистических позиций и содержит богатейший материал о строении доклассового общества и путях возникновения общества классового, т. е. материал для иллюстрации основных положений исторического материализма и для дальнейшей углубленной их разработки.

В этой связи необходимо отметить, что после выхода в свет первого тома «Капитала» термин «азиатский способ производства» в работах К. Маркса и Ф. Энгельса более не встречается. Нет его и в работах В. И. Ленина (кроме, разумеется, цитат из ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса). В целом развитие исторического материализма привело к выводу, что в докапиталистический период общество проходит три последовательные стадии развития, три формации: первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй и феодализм.

Конец XIX и первые десятилетия XX в. ознаменовались бурным развитием востоковедения, накоплением огромного числа новых фактов, разобраться в которых было далеко не просто. Оставляя в стороне враждебные нападки на марксизм, отметим, что и среди ученых-марксистов возникали в это время серьезные разногласия и сомнения в универсальности изложенной выше концепции. Причиной этих разногласий были затруднения, возникшие при классификации и осмысливании вновь обнаруживаемых фактов (особенно по истории Китая). С другой стороны, чувство неудовлетворения вызывали появившиеся в 20-х годах в нашей стране упрощенные работы, уделявшие основное внимание «общему» и практически игнорировавшие «особенное». В связи с этим вновь получили хождение идеи об особом восточном обществе, и в частности концепция азиатского способа производства. Многие ученые выдвигали также концепцию «известного» восточного феодализма.

Настоятельно требовалось новое обобщение фактов с точки зрения основных положений исторического материализма. Такое обобщение было сделано в 1933 г. В. В. Струве в его докладе «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока», а также в статье «Плебей и илоты». Редкостная эрудиция В. В. Струве (он использовал египетские, месопотамские и античные источники) позволила ему убедительно обосновать вывод, согласно которому общество древнего Востока при всех своих особенностях было рабовладельческим. Этот вывод далеко не сразу получил всеобщее признание. Так,

один из наиболее активных оппонентов В. В. Струве, А. И. Тюменев, с целью проверки его выводов самостоятельно изучил шумерский язык и пятнадцать лет исследовал хозяйственные документы Шумера. Выводы, к которым он пришел, в главнейших чертах совпадают с выводами В. В. Струве.

В дальнейшем, особенно в послевоенный период, мнение о рабовладельческом характере древневосточного общества практически безраздельно господствовало среди советских историков. Такая точка зрения утверждает единство мирового исторического процесса, лишает почвы как «европоцентрические», так и «востокоцентрические» взгляды на мировую историю. Почти все авторы нашей книги придерживаются этой традиции, идущей от В. В. Струве и А. И. Тюменева.

Послевоенные годы были периодом еще более бурного развития востоковедения и африканистики. Вновь накопившиеся факты, естественно, требовали новых теоретических обобщений. Нередко при этом создавалось впечатление, что новые факты не укладываются в старые исторические схемы. Когда в науке создается такое положение, из него возможны два выхода: либо старые теории должны подвергнуться модификации, либо, если это невозможно, их следует заменить новыми теориями (сюда же относится и возвращение на новом этапе и с учетом новых обстоятельств к теориям старым, в свое время по той или иной причине отвергнутым). Так произошло и на сей раз. Многие историки-марксисты считали и считают, что новые факты не требуют пересмотра прежних теорий, и в частности взгляда на общество древнего Востока как на общество рабовладельческое. Необходимы лишь определенные уточнения. Основная мысль историков, стоящих на этой позиции, заключается в том, что признавая множественность путей развития древнего общества (подобную многочисленности путей развития, скажем, капитализма в XIX—XX вв., причем, однако, в древности эти пути еще более различаются между собой), они не видят в них разных общественно-экономических формаций, разных способов производства, а лишь варианты одного и того же древнего способа производства. Тем самым они стоят на точке зрения единства процесса исторического развития человечества. К этому направлению принадлежит большинство авторов настоящей книги (см. вводные лекции к трем ее томам).

С другой стороны, многие ученые считали и считают, что необходим коренной пересмотр взглядов на древневосточное общество для преодоления опасности схематизма и догматизма. Работ, подвергающих критике взгляды на древневосточное общество как на рабовладельческое, появилось немало. В этой связи вновь стала обсуждаться концепция азиатского способа производства.

Первые высказывания в пользу этой концепции стали появляться еще с конца 40-х годов. Но широкие масштабы дискус-

сия вокруг этой концепции приобрела после опубликования во французском марксистском теоретическом журнале «Пансэ» («Мысль») в 1964 г. нескольких статей, специально посвященных проблеме азиатского способа производства. Ж. Шено, например, писал, что азиатский способ производства «характеризуется сочетанием производительной активности сельских общин и экономического вмешательства государственной власти, которая одновременно эксплуатирует общины и управляет ими». Кратко он определил этот способ производства как «деспотически сельскообщинный». Коренное отличие азиатского деспотического государства от других типов докапиталистического государства, по мнению Ж. Шено, состоит в том, что это государство «само является организатором производства». Основным противоречием такого общества является не противоречие между классами, а противоречие между государством и общинами. Впоследствии Ж. Шено вновь пересмотрел свою концепцию.

В 1965 г. советский журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал тезисы французских историков-марксистов — африканиста Ж. Сюэр-Каналя и теоретика М. Годелье, а также ответные тезисы В. В. Струве. Эта публикация фактически послужила отправной точкой дискуссии в нашей науке. Спор развивался в двух направлениях: с одной стороны, было предпринято углубленное изучение работ классиков марксизма-ленинизма с целью доказать, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин последовательно придерживались концепции «азиатского способа производства». Попытки эти следует признать неудачными. Как уже отмечалось, в поздних работах К. Маркса и Ф. Энгельса «азиатский способ производства» не упоминается, а ведь к числу этих работ относится и основной труд по интересующему нас вопросу — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, написанный на основе черновых материалов К. Маркса.

С другой стороны, многие авторы, подвергая критике концепцию рабовладельческого общества на древнем Востоке, предлагали свои собственные модели, приводя для их подкрепления факты из тех конкретных областей истории, которыми они занимались, и не всегда учитывая материалы других регионов. Некоторые из выступавших, к сожалению, иной раз пользовались и сведениями из вторых и третьих рук¹.

Перечислить здесь все высказывавшиеся в ходе дискуссии концепции и доводы невозможно. Остановимся лишь на важнейших и наиболее типичных.

Прежде всего следует отметить концепцию азиатского спо-

¹ В этом смысле типичны статья Г. В. Коранашвили «Древний Восток и античный мир (опыт сравнительно-исторического изучения цивилизаций)» — «Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, 4)». Тб., 1973, и серия статей Ю. И. Семенова («Народы Азии и Африки». 1965, № 3; «Вопросы истории», 1966, № 8, и многие другие).

соба производства как особой формации, существовавшей параллельно рабовладельческой формации. Это особый путь развития, предопределенный особыми географическими условиями, и прежде всего потребностью в искусственном орошении. Отсюда вытекает централизованная власть деспотического характера. Отсюда же — длительное сохранение общины, которая подвергается эксплуатации. Частная земельная собственность в таком обществе не возникает. При этом предполагается, что азиатский способ производства на Востоке существует «извечно» (очевидно, со временем распада первобытнообщинного строя?).

Сторонником этой точки зрения был Е. С. Варга («Очерки по проблемам политэкономии капитализма». М., 1964). В. В. Струве (хотя и с известными оговорками) в упомянутых выше тезисах допускал ее правомерность для раннего периода древности.

Предлагались и более сложные построения. Л. С. Васильев и И. А. Стучевский («Три модели возникновения и эволюции до-капиталистических обществ».— «Вопросы истории». 1966, № 6) выдвинули свою концепцию «вторичной» формации, т. е. единой формации, лежащей между первобытнообщинным строем и капитализмом. По мнению этих авторов, общество, выходя из первобытнообщинного строя, может пойти по одному из трех практически равноправных путей — рабовладельческому, феодальному или азиатскому (представляющему собой сочетание двух первых). Конкретный путь определяется не уровнем развития производительных сил (он во всех случаях примерно одинаков), а формой общины, которая, в свою очередь, определяется прежде всего природными условиями.

Сходная точка зрения выражена в ряде работ выдающегося советского историка и филолога Г. А. Меликишвили («К вопросу о характере древнейших классовых обществ».— «Вопросы истории». 1966, № 11; «Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт стадиально-типологической классификации классовых обществ)».— «Народы Азии и Африки». 1972, № 4; «Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ».— «Вестник древней истории». 1975, № 2). По мнению Г. А. Меликишвили, магистральным путем развития докапиталистического классового общества является феодализм. Рабовладельческий строй возникает лишь как исключение (Финикия, Греция, Рим) и завершается возвратом на магистральный путь, т. е. к феодализму. На ранних стадиях развития классового общества может возникать и азиатский способ производства, который Г. А. Меликишвили определяет как комплекс «протофеодальных» способов эксплуатации².

Точка зрения, разрабатываемая Г. А. Меликишвили, хотя и

² Различные типы древних обществ несводимы просто к путям развития одного и того же рабовладельческого способа производства также, например, и для одного из авторов настоящей книги — Г. Г. Гиоргадзе, ученика Г. А. Меликишвили.

отлична от принятой в настоящей книге, но в то же время во многом близка к ней. В сущности, мы, как и Г. А. Меликишвили, признаем наличие разного развития в пределах древнего общества, хотя мы более стремимся подчеркнуть черты общности и поэтому говорим лишь о путях развития одного способа производства в эпоху древности, а Г. А. Меликишвили более подчеркивает черты различия и соответственно говорит о различных господствующих укладах производства. С другой стороны, Г. А. Меликишвили более, чем мы, подчеркивает сходство между способами производства в древности и в средневековье; нам же представляется более существенным их различие (при этом, однако, вряд ли кто-либо может оспаривать тот факт, что общество древнее менее отличается от общества средневекового, что скачок между ними менее отчетлив, чем оба они вместе отличаются от капитализма, от которого феодализм отделен более резким революционным скачком).

Слишком упрощенной представляется нам картина, рисуемая В. П. Илюшечкиным («Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции». М., 1970), согласно которой во всем мире в течение древности и средних веков просто господствовал «вечный» феодализм,— она рассматривает только формы эксплуатации.

Отметим, наконец, что в ходе дискуссии постулировались (без достаточно убедительной аргументации) и новые общественные формации, до сих пор неизвестные (Ю. И. Семенов).

Различные участники дискуссии по-разному трактуют характер, роль и значение таких основных для теории исторического материализма категорий, как собственность на средства производства и особенно на землю, как характер эксплуатации — экономический (через рынок, где рабочая сила превращается в товар) и внеэкономический (путем принуждения), как соотношение того и другого социально-экономического фактора (т. е. формы собственности и формы эксплуатации) — эксплуатация лиц, лишенных собственности на средства производства или не лишенных ее. С нашей точки зрения, собственность как классовое отношение между людьми не должна смешиваться с пользованием или с владением как простым физическим обладанием, без полной возможности распоряжаться объектом в своих интересах и по своей воле. Мы придерживаемся той точки зрения, что характер общества определяется способом производства, вызванным к жизни достигнутым людьми уровнем развития производительных сил и выражющимся (на уровне социальном) в характере собственности, диктующей и характер эксплуатации, и классовый состав общества. Представляется, что в этом мы стоим на историко-материалистических позициях и что концепции, противостоящие нашей, не дали четких ответов на вопросы взаимоотношения этих решающих факторов в древних обществах.

Не вдаваясь далее в подробное изложение взглядов и доводов оппонентов рабовладельческой формации на древнем Востоке или в полемику с ними, мы ограничились здесь указанием лишь на основные направления в дискуссии. Желающих более детально ознакомиться с ее ходом отсылаем к книге В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975). Эта работа содержит обстоятельный и в целом хорошо аргументированный разбор всех высказывавшихся в ходе дискуссии точек зрения, а также обширную библиографию.

В последние годы накал дискуссии заметно ослаб. Основная ее польза заключается в том, что многие ее участники (а также и те историки, которые не принимали в ней прямого участия) подвергли тщательной и всесторонней проверке систему аргументации, лежащей в основе применяемых ими исторических построений, и сделали в ряде случаев необходимые уточнения. Но нельзя считать, что все теоретические вопросы истории древнего мира уже решены. Некоторая незавершенность связана прежде всего с неравномерностью источников по различным периодам и странам в смысле их количества и качества и с неравномерной разработанностью соответствующих отрезков истории. Наибольшее обилие документальных данных для всего периода древности от самого начала классовой цивилизации до начала средневековой эпохи в настоящее время поставляет историку Ближний Восток.

К последней четверти XX в. всем исследователям древнего мира стало ясно, что ни история феодальной Европы, на которую ориентировались историки XIX — начала XX в., ни история античной цивилизации Греции и Рима, которая в 30—50-х годах чуть было не стала в нашей науке эталоном для изучения всей древности, не могут служить мерилом для оценки развития всего древнего мира. Пытаясь расширить наш исторический кругозор в ходе изучения всего древнего мира, мы старались отдать должное своеобразию развития каждой отдельной цивилизации. Но вполне убедительной интерпретации древней истории каждой страны препятствуют лакуны в наших сведениях, и для получения цельной картины, как всегда в таких случаях, науке приходится прибегать к экстраполяции данных, полученных в других областях, на «белые пятна» неисследованного параллельного развития. Естественно, что эталонными данными для ряда авторов нашей книги послужили, между прочим, и обширные исторические сведения, добытые исследователями древнего Ближнего Востока. На последующих этапах развития исторической науки, надо полагать, нужды в такой экстраполяции не будет, так как степень исследованности древних обществ Индии, Китая, Средней Азии, Ирана, Египта и других стран Африки и т. п. не будет уступать уровню изученности Ближнего Востока, Греции и Рима.

3. ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Источники по истории древнего мира очень многочисленны — от некоторых периодов их дошло даже больше, чем от иных гораздо более близких к нам эпох. Однако источники эти неполны, и это создает для объективного изучения древней истории весьма значительные трудности.

Так, история древней Месопотамии от начала III тысячелетия до н. э. и вплоть до смены эр (I в. до н. э.—I в. н. э.) представлена подлинными текстами того времени, написанными на плитках (табличках) и других предметах из глины, а также на камне и металле особым сложным, так называемым словесно-слоговым письмом — клинописью. Число памятников клинописи огромно — десятки и сотни тысяч, и ежегодно их становится все больше по мере все новых и новых раскопок. Однако было бы ошибочно думать, что они дают вполне достаточное и ясное представление о древнемесопотамском обществе, его жизни и событиях его истории. Если это царские надписи, то в них содержатся восхваления богов и царя, а также сообщается о построении царем храмов и (гораздо реже) других сооружений; лишь надписи хеттских и ассирийских царей рассказывают — но очень односторонне, хвастливо и претенциозно — об их военных победах (о поражениях, конечно, умалчивается). Если это сборники законов, то они весьма неполны по охвату регулируемых ими общественных отношений и в большинстве случаев плохо сохранились (притом далеко не от всех периодов истории и не из всех стран). Если это религиозно-литературные тексты, то они по большей части тоже сохранились во фрагментах, плохо датируются и к тому же дают представление главным образом об официальной идеологии; редко из них можно извлечь сведения о реальной жизни и взглядах населения. Если это административно-экономические тексты (а они составляют громадное большинство клинописных памятников), то они происходят почти исключительно из казенных хозяйств или из хозяйств государственных служащих, купцов и т. д. и поэтому дают одностороннюю картину общества — недаром историки долгое время верили, что в Месопотамии III тысячелетия до н. э. вообще ничего, кроме казенных храмовых хозяйств, не существовало. Если это документы частных юридических сделок, то они появляются только в сравнительно редкие времена, когда общественные отношения менялись и население по разным причинам не могло довольствоваться устными сделками, заключавшимися на основании обычного права. Периоды, освещенные сравнительно большим числом даже таких письменных свидетельств, какие мы сейчас перечислили, перемежаются с долгими столетиями, от которых вообще не дошло ни одного документа. Хеттская цивилизация, существовавшая в Малой Азии во II тысячелетии до н. э. и тоже пользо-

вавшаяся клинописью, оставила нам только один царский архив, содержащий анналы, посвященные победам царей, государственные договоры, законодательные тексты, инструкции служащим, но главным образом бесчисленные описания магических ритуалов — и ни одного документа, относящегося к частной жизни граждан. С тех пор как во второй половине I тысячелетия до н. э. Передняя Азия целиком перешла на новые писчие материалы — пергамен, глиняные черепки, исписывавшиеся чернилами (остраки), и папирус, до нас вообще почти перестали доходить какие бы то ни было документы, так как пергамен и папирус быстро истлевали, а надписи на остраках стирались или выцветали.

Что касается археологических памятников древней Передней Азии, то до сравнительно недавнего времени раскапывались почти исключительно храмы и дворцы, причем вплоть до начала XX в. вскопанное городище, по существу, попросту разрушалось в поисках табличек, статуй и т. п. Позже раскопками в Месопотамии и других частях Передней Азии занялись архитекторы; облик города стал выявляться яснее (хотя жилым домам по-прежнему уделялось минимальное внимание), зато почти не фиксировались обстоятельства находки домашней утвари и даже табличек. Долго не умели раскапывать городища послойно, выделяя отдельные периоды. Даже и сейчас при раскопках иной раз выбрасываются многие керамические черепки, кости домашних животных и т. п.— то, что дало бы представление о быте, рационе питания населения и многом другом. Но и в самом лучшем случае археология без поддержки письменных памятников не способна дать ясную картину социального строя и духовной культуры ушедшего в прошлое общества. Пока археологи на практике осваивают всю сложность раскопочной техники, необходимой в условиях данной страны для того, чтобы дать материал историку, они обычно успевают разрушить наиболее «содержательные» городища, потому что самые первые, еще неопытные археологи, как правило, начинают с самых лучших, самых сохранных городищ и, разрушив их, оставляют будущим поколениям ученых менее значительные.

Свои трудности имеет источниковедение в истории Египта. Письменные тексты здесь — в огромном большинстве молитвы и заклинания на стенах гробниц и заупокойных стелах (изредка и чрезвычайно приукрашенные, но в то же время стандартные биографии покойников); сравнительно редко на стенах храмов высекались надписи, посвященные «подвигам» фараонов. Гораздо важнее надписей здесь изображения из настенных росписей и рельефов: соответственно религиозным представлениям древних египтян, мысливших себе загробную жизнь как копию земной, в них мы находим множество живых сцен повседневной жизни. Однако социальное осмысление этих изображений — дело нелегкое. Тексты на знаменитых египетских папирусах дошли только от сравнительно позднего времени (II и особенно I тыся-

челетие до н. э.— I тысячелетие н. э.); остраков хозяйственного и правового содержания дошло довольно мало, первый судебник найден недавно и еще не изучен.

На папирусах записывались тексты главным образом религиозного и литературного, изредка научного содержания, хотя дошли также и документы (главным образом от конца II—I тысячелетия до н. э. и римского времени) преимущественно казенных хозяйственных ведомств, а также в сравнительно небольшом числе (кроме более поздних периодов) и юридические сделки. Если к этому добавить, что египетские тексты ученые понимают значительно менее точно, чем вавилонские, то можно прийти к выводу, что восстановление картины социально-экономической жизни древнего Египта — дело трудное, и не случайно очень многое здесь до сих пор остается неясным; историка-экономиста здесь опережают искусствоведы, а также филологи сравнительно узкого профиля.

Чем меньше документальных источников, тем труднее восстанавливать историю общества. Документальные источники имеют два неоценимых преимущества: во-первых, они, как правило, современны событиям и относительно более объективно передают то, что действительно случалось; во-вторых, если их достаточно много и можно убедиться в том, что большое или малое количество определенного типа документов не обусловлено случайнym стечением обстоятельств их находки, то они позволяют сделать некоторые выводы относительно частоты или редкости тех или иных общественных явлений в эпоху, которую они освещают. Что же касается повествовательных, или так называемых нарративных, источников (как чисто литературных произведений, так и сочинений древних историков), то они сообщают нам не о самих фактах, а лишь о том, что по этому поводу думали их авторы или общество, к которому авторы принадлежали. Конечно, историку полезно знать и это, однако лишь сравнительно редко мы можем проверить достоверность того, что сообщают нарративные источники. В частности, детали описания событий и особенно приводимые в нарративных источниках речи исторических персонажей почти всегда недостоверны.

История древней Палестины известна почти исключительно по нарративным источникам, хотя за последнее время к ним добавились ценные археологические данные, с помощью которых до известной степени можно проверять данные повествований. Последние сохранились в Библии — священном писании иудейской и христианской религии³. Библий — не одна книга, а целая литература, состоящая из множества отдельных произведений, создававшихся с XII по II в. до н. э. (Ветхий завет) и в I—II вв. н. э. (Новый завет). В нее входят мифологические и легендар-

³ Иудейская Библия включает только Ветхий завет, христианская — и Ветхий и Новый.

ные повествования о создании мира, человечества, окружавших Палестину и живших в Палестине народов (главным образом евреев), уголовное, гражданское и ритуальное законодательство, прозаические исторические повествования (они поддаются в значительной мере проверке путем сопоставления с археологическими данными, а также с ассирийскими, вавилонскими и египетскими царскими надписями, а иногда и документами), религиозная и светская поэзия, отрывки эпоса, религиозная и светская дидактика, ритмически-стихотворные религиозные проповеди на политическую злобу дня (тоже часто сопоставимую с историческими известиями из других стран Ближнего Востока) и многое другое. Ясно, что исторически этот пестрый материал весьма неравноценен, однако с помощью методов исторической критики из библейских сочинений удается извлечь и много достоверной информации; к сожалению, исследованию древней истории Палестины сильно препятствует почти полное отсутствие документальных источников. Число их начало пополняться лишь за последнее время, особенно после нашумевших находок рукописей у Мертвого моря, относящихся ко II в. до н. э.—II в. н. э.

Весьма трудную проблему составляет историография Индии. Здесь, несмотря на расцвет в древности множества наук (философии, астрономии, грамматики и др.), историческая наука не возникла, а дошедшие до нас древнейшие религиозные песнопения «Вед», ритуально-законодательные сборники, эпос, философские и иные трактаты с весьма большим трудом поддаются датировке. Дошло некоторое количество царских надписей на камне и т. п. (не ранее III в. до н. э.), по большей части не слишком содержательных; документальные же источники отсутствуют почти полностью. За последние десятилетия больших успехов достигла индийская археология — достаточно упомянуть открытие ранее совершенно неизвестной древнейшей индской цивилизации III—II тысячелетий до н. э. К сожалению, из письменных памятников этой цивилизации пока известны только коротенькие надписи на печатях и т. п., материала которых недостаточно для расшифровки.

Древняя история Китая базируется почти исключительно на нарративных источниках. В отличие от Индии в Китае расцвела и историческая литература, однако она относится лишь ко времени начиная со второй половины I тысячелетия до н. э., хотя тогдашние историки пользовались не дошедшими до нас древними записями. От более ранних периодов сохранились надписи на бронзовых сосудах (разного рода дарственные и др.) и множество надписей, сделанных гадателями конца II тысячелетия до н. э. на бараньих лопатках, черепашьих щитках и т. д., а также древние песнопения и предания, к сожалению дошедшие в записи намного более поздней, чем время их первоначального сочинения. Есть ряд философских, научных, военных, экономических трактатов, но документальных материалов до обидного

мало. Археология Китая находится, по-видимому, лишь в своем начальном периоде, несмотря на уже сделанные крупные открытия.

В Греции до недавнего времени древнейший период ее истории можно было изучать только по немым археологическим памятникам; всего несколько десятилетий назад заговорили таинственные микенские словесно-слоговые письмена второй половины II тысячелетия до н. э., но прочтенные тексты оказались документами дворцового хозяйственного учета, и ряд соображений приводит ученых к выводу, что в те времена греки ничего более и не записывали. Следующий период помимо археологических памятников освещен сочиненными в VIII в. до н. э. и приписываемыми Гомеру эпическими поэмами — «Илиадой» и «Одиссеей»; отделение исторической действительности от воображения поэта представляет тут сложнейшую задачу исторической критики.

Подлинных, современных событиям документов из Греции и Рима почти не дошло; однако историку здесь помогают два обстоятельства: во-первых, то, что греки (а за ними и римляне) создали богатейшую нарративную литературу самого разнообразного характера, в том числе замечательные исторические сочинения, которые в нашей книге будут неоднократно цитироваться. Такой писатель, как Фукидид (около 460—396 гг. до н. э.), может считаться основателем научной исторической критики. К сожалению, все эти произведения дошли только в средневековых писцовых копиях и потребовали огромной критической работы над их текстом. Во-вторых, как в Греции, так впоследствии и в странах, куда распространилась греческая культура (они охватывают, по существу, весь Ближний и Средний Восток, а также Рим), было очень широко распространено составление надписей на камне по поводу самых различных общественных и частных событий — от подробного изложения римским императором Августом истории его правления до надписи, поминающей добрым словом покойную сожительницу раба, от огромного тарифа международных таможенных пошлин до частного посвящения жертвы божеству. Иногда на камне высекались и копии отдельных юридических документов. Много документального материала от эпох греко-македонского и римского владычества дошло на папирусах из Египта; кроме того, сохранились (опять-таки в средневековых рукописях) многочисленные памятники законодательства и юридической мысли (преимущественно римские).

Современные историки Греции, Рима и культурно-политически связанных с ними стран (в том числе древнего Причерноморья) имеют большое преимущество перед историками стран Востока в том, что изучение источников началось у них лет на четыреста раньше, поэтому проделанная за это время научная критическая работа поистине громадна. И тем не менее новые

открытия, новые интерпретации старого материала продолжают появляться ежегодно.

Блестящего развития достигла греко-римская археология. Всем известны раскопки Помпеи — города, погибшего под слоем горячего пепла во время извержения вулкана в начале нашей эры и под этим пеплом сохранившегося почти не измененным, вплоть до объявлений на стенах домов. Другие открытия иногда не менее поразительны, иногда более скромны, но во всех случаях удачно дополняют обильный материал письменных источников. В последнее время начала развиваться и подводная археология — были найдены остатки городов, ушедших под воду, а также почти целые корабли, затонувшие со всем грузом две тысячи лет назад.

Этот беглый очерк, конечно, не может заменить подлинного разъяснения результатов, достигнутых источникедческой наукой, посвященной эпохе древности. Но все же, возможно, он даст хотя бы самое примерное представление о характере тех источников, на которые опирается изложение в последующих лекциях нашей книги, о степени вероятности того, что сообщаемые сведения достоверны, и о препятствиях, с которыми встречается в своей работе историк-исследователь.

К трудностям источникедческим, перечисленным вкратце выше, надо еще прибавить филологические. Ни один историк древнего мира не может себе позволить работать по готовому материалу, представленному ему филологами или археологами; он должен самостоятельно разобраться в филологических трудностях и спорных местах текстов, а также в технических особенностях произведенных археологами раскопок. Источники же по древней истории написаны многими сложными видами письменности на десятках языков, из которых многие еще плохо поняты, иногда не до конца дешифрованы, так что истолкование их вызывает разногласия. Поэтому читатель нашей книги должен ясно представить себе, что в ней нет окончательных истин, а есть только то, что можно сказать об излагаемом предмете на современном уровне развития науки; течение ее отнюдь не остановилось, наши представления о прошлом меняются и будут меняться. В этих переменах, в постепенности приближения к познанию истины, может быть, и состоит главная привлекательность исторической науки.

4. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Человек, приступающий к изучению древней истории, должен, вероятно, заинтересоваться вопросом: как устанавливается, когда именно происходили события древней истории? Насколько достоверны приводимые даты? Действительно, в специальной литер-

атуре мы встречаемся с многочисленными расхождениями в датировке отдельных событий и целых эпох древности, не говоря уже о приблизительности датировок. Трудности в установлении хронологии древней истории обусловлены отсутствием достаточно определенной системы летосчисления во многих древних странах, а также характером и состоянием источников, далеко не всегда содержащих датировку, а зачастую не поддающихся датировке и по косвенным данным (по упоминанию событий, дата которых известна из других источников, характеру письма и т. п.). Так обстоит дело особенно с определением дат древнейших периодов истории восточных обществ.

Установление хронологии истории древнего Востока очень сложно из-за отсутствия единой эры, т. е. счисления лет от определенной точки отсчета. В каждой стране существовали свои, весьма несовершенные способы определения протекшего времени.

Так, в государствах Двуречья было когда-то принято обозначать годы по выдающимся событиям и велись списки датирующих событий. В источниках встречаются такие датировки: год, когда было построено такое-то здание; год, когда воевали с таким-то племенем, и т. д. В других случаях считали по годам правления каждого царя. В Ассирии считали по ежегодно сменяющимся должностным лицам, так называемым лимму; этих ассирийских должностных лиц также обозначают греческим термином «эпонимы». Для того чтобы можно было соотносить между собой разновременные события, приходилось вести списки всех датировочных формул (названий годов), или списки эпонимов, или списки царей с указанием продолжительности их правлений. Такие списки могли быть прерваны во время войн, завоеваний столицы врагами и т. п., и в них могли быть ошибки, как случайные, так и преднамеренные (округление цифр, исключение из списков отдельных имен и целых династий, которые по политическим соображениям казались нежелательными для упоминания, и др.).

Перевести такие списки на нашу сегодняшнюю хронологическую систему счета времени возможно лишь тогда, когда их удастся в какой-нибудь точке (а лучше в нескольких) привязать к твердо датируемым астрономическим событиям; дата последних зависит от законов небесной механики. Наиболее надежна привязка к солнечным затмениям. Благодаря такой именно привязке все события истории Передней Азии начиная с 911 г. до н. э. датируются со средней ошибкой, обычно не превышающей один-два года. Менее надежна, например, привязка к астрономическому счету времени на основании довольно несовершенных древних наблюдений планеты Венеры. Такова привязка для событий истории Вавилонии с XXIV по XVI в. до н. э. Здесь после ряда уточнений, сокративших предполагаемые даты, осталась возможная ошибка около 64 лет в ту или другую сторону для конца периода и до сотни лет — для начала; поэтому историки приме-

няют для этого периода условную среднюю дату (1792—1750 гг. до н. э. для правления вавилонского царя Хаммурапи), от которой и отсчитываются в ту и другую сторону даты событий, расстояние которых во времени от правления Хаммурапи известно.

Когда какая-либо древняя местная хронология имеет астрономическую привязку, то с ее помощью можно установить абсолютные даты и для древних хронологических систем других стран, если между ними есть синхронизмы, т. е. исторически проверенные указания на то, что два каких-либо деятеля из той и другой страны были современниками, а также сведения о сражениях, войнах, договорах и т. п. Конечно, хронологическая система, основанная на синхронизмах с другой системой, будет менее точной, чем непосредственно привязанная к астрономической шкале времени. Таковы хронологические системы древней Малой Азии, Палестины и др.

Дополнительную трудность для установления точной хронологии древней Передней Азии составляет то обстоятельство, что год был там не солнечный (приблизительно 365 дней), а лунно-солнечный, состоящий из 12 месяцев продолжительностью поочередно в 29 и в 30 дней, а всего из 354 дней; расхождение с календарем природы компенсировалось вставкой високосных месяцев, сначала нерегулярно, а с IV в. до н. э.— по строго разработанной системе.

Наше современное летосчисление твердо соотнесено с астрономическим счетом времени: небольшие ошибки, возникающие вследствие не вполне точного совпадения гражданского года с астрономическим, исправляются с помощью вставки одного дня в високосные годы.

В Египте счет лет велся по периодам царствования каждого фараона и возобновлялся с каждым новым правлением. Списки фараонов с указанием продолжительности их царствований дошли до нас не полностью и с писцовыми ошибками, при этом в них обнаружился еще один недостаток, приводящий к необоснованному растягиванию хронологии: царствовавшие одновременно фараоны (цари-соправители, а также цари-современники, каждый из которых управлял какой-то частью страны в период политической раздробленности) изображаются в этих списках как царствовавшие друг за другом. То же наблюдается и в царских списках древнего Двуречья. В результате этого для III тысячелетия до н. э. оценки датировок египетской истории колеблются в пределах до 300 лет и лишь с середины II тысячелетия до н. э.— в пределах десятилетия—двух. Вполне надежны здесь датировки лишь с середины I тысячелетия до н. э.

Очень плохо обстоит дело с датировкой древнеиндийской истории. Это объясняется характером сохранившихся источников. До нас не дошло ни одного собственно исторического сочинения—хроники, летописи или исторического трактата. До сих пор не обнаружено ни царских архивов, ни вообще каких-либо пись-

менных официальных документов. Почти единственным датированным источником по истории древней Индии являются надписи на камне и металле, но и они дошли в небольшом числе и только от сравнительно позднего времени, начиная с III в. до н. э. Напомним, что древнейшие датируемые (хотя и приблизительно) письменные источники по истории Египта и Двуречья относятся к III тысячелетию до н. э.

В противоположность индийским китайские источники содержат многочисленные датировки. Это связано с тем, что Китай, подобно Греции и Риму, принадлежит к числу тех немногих древних стран, где создавались специальные исторические сочинения. От древнего Китая дошли до нашего времени хроники, династийные истории, ценные обобщающие исторические труды. Выдающийся историк древнего Китая Сыма Цянь (145—87 гг. до н. э.) в своем труде «Исторические записки» («Ши цзи») большое внимание уделил хронологии. Его труд, охватывающий время от мифического сотворения мира до конца II в. до н. э., дает хронологическую канву древнекитайской истории. Но каковы были основания для датировок, предложенных Сыма Цянем и другими китайскими авторами, не всегда ясно, а поэтому и сами датировки далеко не полностью надежны.

С хронологией античной истории дело обстоит благополучно благодаря дошедшему до нас большому числу исторических сочинений с довольно достоверными датировками. Эти сочинения базировались на нескольких различных хронологических системах. Так, метод летосчисления по высшим должностным лицам, известный из Ассирии, в античном мире применялся в Афинах, где датировали годы по архонтам-эпонимам, и в Риме, где счет лет велся по ежегодно сменявшимся консулам; велись соответственно списки архонтов и консулов, которые частично дошли до нас. Кроме того, существовала общегреческая система летосчисления по олимпиадам — праздникам, скреплявшим союз греческих (греческих) общин. Олимпиады регулярно проводились раз в четыре года; первая из них, по греческому преданию, состоялась в 776 г. до н. э.⁴ (здесь и далее сделан пересчет дат применительно к нашему летосчислению).

Позже римляне установили свое летосчисление от легендарной даты основания г. Рима. Римский историк Марк Теренций Варрон (I в. до н. э.) отнес основание Рима к третьему году шестой олимпиады, т. е. к 754—753 гг. до н. э. Пытаясь определить дату основания Рима, Варрон пользовался синхронизмами между римским счетом лет по консулам и греческим — по олимпиадам.

⁴ Заметим, что легендарный характер первой олимпиады нисколько не мешает правильности летосчисления по олимпиадам: для летосчисления важно, чтобы за точку отсчета был принят астрономически определенный момент времени; совершенно не обязательно, чтобы эта точка соответствовала действительно совершившемуся событию.

В VI в. н. э. итальянский монах Дионисий Малый, предложивший новое летосчисление — от рождения Иисуса Христа, ориентировался, в свою очередь, на дату основания Рима. Дионисий предложил считать, что Иисус родился 25 декабря 753 г. от основания Рима. Соответственно основание Рима стало датироваться 753 годом до рождества Христова. К настоящему времени установлено, что Дионисий обсчитался и что в действительности Иисус, если он был исторической личностью, должен был родиться на несколько лет раньше — в 4 или даже 5 г. до н. э.

Новое летосчисление «от рождества Христова» привилось не сразу. В течение всего средневековья оно сосуществовало с ранее принятым у христианских народов и восходящим к библейской традиции летосчислением «от сотворения мира»⁵. Постепенно летосчисление от рождества Христова, или, как правильнее называть, с начала нашей эры, было принято во многих странах, в том числе и в России. Им пользуется значительная часть человечества. Оно принято и в мировой исторической науке. Однако доныне существуют и другие системы летосчисления, рассматривать которые здесь нет необходимости.

В последнее время в исторической науке стал употребляться археологический метод установления абсолютных датировок с помощью так называемого радиокарбонного метода. Он основан на измерении количества радиоактивных изотопов в предметах, найденных при раскопках. Так, в срубленное дерево перестают поступать радиоактивные изотопы углерода C_{14} , и это позволяет определить время, когда дерево было срублено, по нашей современной хронологической шкале. К сожалению, метод радиоуглеродных датировок приводит к неустранимым пока ошибкам в десятки и сотни лет и поэтому неприменим там, где требуется более точная дата. В настоящее время разрабатывается более точная методика датировки древней керамики с помощью радиоизотопов и других физических методов. Но пока все даты истории древней Передней Азии, относящиеся ко времени до II тысячелетия до н. э., а Европы — до середины I тысячелетия до н. э., остаются ориентировочными и спорными. Еще хуже обстоит дело для Индии и Дальнего Востока. Здесь даже даты, относящиеся к I тысячелетию до н. э., нередко приблизительны и неточны, так как основываются главным образом на находке вещей, импортированных из стран, хронология которых установлена более точно. Можно сказать, что, чем дальше какая-либо территория от древней Месопотамии, тем менее точна ее ранняя хронология и тем ближе к нам конечный предел приблизительных датировок.

Редакционная коллегия

⁵ Мифологическая дата сотворения мира вычислялась в средние века (на основании библейских преданий) по-разному. Православная церковь приняла дату 5508 г. до н. э., англиканская — 4004 г. до н. э. и т. п.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
И. М. Дьяконов (Ленинград). Лекция 1. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития	27
И. М. Дьяконов (Ленинград). Лекция 2. Города-государства Шумера	50
И. М. Дьяконов (Ленинград). Лекция 3. Ранние деспотии в Месопотамии	65
В. К. Афанасьева (Ленинград). Лекция 4. Шумерская культура	78
И. В. Виноградов (Ленинград). Лекция 5. Раннее и Древнее царства Египта	91
И. В. Виноградов (Ленинград). Лекция 6. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов	112
Н. В. Козырева (Ленинград). Лекция 7. Старовавилонский период истории Месопотамии	126
Т. В. Степугина (Москва). Лекция 8. Первые государства в Китае	140
Г. Ф. Ильин, И. М. Дьяконов (Москва — Ленинград). Лекция 9. Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана	169
В. А. Якобсон (Ленинград). Лекция 10. Месопотамия в XVI—XI вв. до н. э.	182
Г. Г. Гиоргадзе (Тбилиси). Лекция 11. Хеттское царство	197
И. М. Дьяконов (Ленинград). Лекция 12. Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до н. э.	217
И. В. Виноградов (Ленинград). Лекция 13. Новое царство в Египте	238
И. А. Лапис (Ленинград). Лекция 14. Культура Древнего Египта	258
Ю. В. Андреев (Ленинград). Лекция 15. Крито-микенский мир	278
Ю. В. Андреев (Ленинград). Лекция 16. Греция в XI—IX вв. до н. э. по данным homerовского эпоса	298
Ю. Б. Циркин (Новгород). Лекция 17. Финикийская и греческая колонизация	317
Г. Ф. Ильин, И. М. Дьяконов (Москва — Ленинград). Лекция 18. Индия, Средняя Азия и Иран первой половины I тысячелетия до н. э.	331
Т. В. Степугина (Москва). Лекция 19. Китай в первой половине I тысячелетия до н. э.	353
Указатель собственных имен	367
Указатель географических названий	372
Указатель этнических названий	379
Карты	
Древний Египет	381
Древняя Месопотамия (III—II тысячелетия до н. э.)	382—383
Индия и Иран в древности (до конца III в. до н. э.)	384
Китай с древнейших времен до конца V в. до н. э.	385
Эгейский мир и Малая Азия во II тысячелетии до н. э.	386—387
Древняя Греция в I тысячелетии до н. э.	388
Греческая колонизация в VIII—V вв. до н. э.	389

История древнего мира. Под ред. И. М. Дьяконоva, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

[Кн. 1.] **Ранняя древность.** Отв. ред. И. М. Дьяконов.

390 с. с карт.

Коллективный труд в первой своей книге рассматривает возникновение и начальные этапы развития раннеклассовых обществ и государств в различных регионах Западной Азии, долине Нила, Эгейском бассейне, Индии и Китае (IV—II тысячелетия до н. э.).

Книга рассчитана на широкий круг читателей, как историков, так и интересующихся древней историей.

И 050401000-139 24-82
013(02)-82

9(M)03